

И. А. ПЛОСКОВ (Сыктывкар)

НАИМЕНОВАНИЯ И ТИПЫ ПЕРСОНАЖА КОМИ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК — ЛЕСНОЙ СТАРУХИ *

Понятие (а также традиционное осмысление) образа лесной старухи в коми фольклоре сложнее и шире образа сказочной лесной старухи *ёма*, хотя все вариации лесной старухи имеют закономерные функциональные совпадения. В данном случае через рассмотрение лексем, учитывая сложную фольклорную семантику, мы выводим определенные типы персонажа лесной старухи. Ранее недостаточно исследовался лексический пласт наименований данного персонажа, вариации образа в конкретных фольклорных ситуациях, и — далее — типы персонажа.

Данная постановка вопроса позволит в дальнейшем сделать коррективы в выводах о семантической оформленности образа, что немало важно для соответствующих статей в словарях. Наличествующие ныне объяснения слова нельзя считать вполне удачными.

1. *ёма*

В коми фольклорных произведениях встречаются различные наименования лесной старухи: *ёма*, *ёма-баба*, *ёма-старука*, *ёма-тьётка*, *яги-баба*, *яга-баба*, *баба-яга*, *шыш-гётыр*, *васа тьётка* и др. Наименования *ёма*, *ёма-баба* наиболее употребительны. Зафиксированы данные наименования в шести диалектах коми языка из ныне известных десяти (ССКЗД 120). Традиционный компонент наличествует и в некоторых других приведенных наименованиях, при этом *баба* — русское заимствование, *старука* < рус. *старуха*; *тьётка* < рус. *тётка*. Отмечен персонаж *сюдбеиха-ёма* — жена великана Сюдбея (Микушев 1979 : 131). В некоторых сказках лесная старуха названа женой чудовища гундыра или змея-гундыра. Но, очевидно, ранее женское начало данного персонажа не подчеркивалось или не доминировало (Попов 1938 : 17—19). Этимологи считают, что слово *ёма* восходит к фин. *jumala* 'бог' (КЭСК 100). Подобный образ мог восходить к богине мертвых, олицетворению смерти (Сидоров 1924 : 53), к злему божеству (Белицер 1958 : 318).

Показательна фиксация «персонажа страха» (длиннозубой безобразной страшной старухи) в известном сказочном материале. Наличие персонажа *ёма* (именно «предмета страха») фиксировал в прошлом веке К. А. Попов (1874 : 18). Аналогичный рассказ записан нами у зуральских коми. Проявилась *ёма* и как персонаж заговора — злое существо (Ветошкина 1982 : 90). Сказочная *ёма* осмысляется чаще как существо из леса, иногда как подземное (Грен 1925 : 26; Сидоров 1924 : 53) или как лесное подземное существо, чуждое положительному герою. Можно предположить, что образ лесной старухи *ёма* восходит к вопло-

* Статья основана на сообщении автора на VI Международном конгрессе финно-угроведов (Сыктывкар, 1985 г.).

щению страха, «чудовищному» зооморфному и зооантропоморфному образу. А. К. Микушев отмечает следующие черты «прапермской» *ёма*: хитрость, вероломство, злость; избавление от нее автор выводит как победу света над тьмой (Микушев 1973 : 203—214). Очевидно, такое усложнение образа, как наделение его хитростью, вероломством, определенными антропоморфными чертами — явление более позднего порядка. *ёма* связана с животными и как «хозяйка леса». Функционально она соотносима с зооантропоморфной *вурд-бабой* (*вурд* 'выдра') зауральского коми фольклора — *вурд-баба* поглощает героев (из записей автора в Березово Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области).

В семантическом ряду — чудовище-поглотитель (воплощение страха) — божество смерти (божество леса) имеется глубокая связь между компонентами. Возможно, в восточнофинно-угорском, коми материале вепсское заимствование (*ёма*) было воспринято в период соответствующего обожествления образа.

Но возможен и несколько иной подход к материалу — слово *ёма* может быть общефинно-угорским реликтом, учитывая наличие слова *юмо*, *юма* (бог) у марийцев; в частности, общефинно-угорским признается слово *юмо* (Ахметьянов 1981 : 51). В. А. Аккорин пишет о марийском главном боге *Юмо*, воплощенном в зооморфном образе — в олене (1980 : 17), ср. также коми (с. Ыб) *юма* (женский персонаж зла).

Добавление компонентов *баба*, *старука*, *тьётка* в наименование персонажа (как и в примере *вурд-баба*) осуществлено позднее. Сказочная *ёма* — антагонист доброго, светлого начала.

2. *ёма* и *яга*

С восприятием иноязычного материала «освоился» и русский сказочный образ лесной старухи *яга* при наличии традиционного персонажа *ёма*. В ряде случаев заимствованная сказка содержит образ, близкий к русскому образу яги, но чаще имеется соответствующий усложненный образ лесной старухи (Попов 1938 : 17; Белицер 1958 : 318); отмечаются использование русских наименований наряду с традиционными — *ёма*, *ёма-баба*, их взаимозаменяемость иногда даже в пределах одного текста (Попов 1938 : 309). О. А. Черепанова указывает на наличие, наряду с иными, наименований *яги-баба*, *яга-баба* в севернорусской традиции (1983 : 104). Данные наименования имеются и у коми. Очевидно, они были некогда заимствованы именно в таком виде (ср. также *яга-баба* у коми-пермяков и т. д.).

В регионах наибольшего русского культурного влияния (особенно южных) наименование *баба-яга* вытеснило коми *ёма*. В Зауралье нами зафиксированы *яг баба*, *ягса баба* 'лесная баба' (коми *яг* 'лес, бор', *ягса* 'лесная, боровая'). Таким образом, наименование определенным образом было осмыслено коми сказителем. Русский исследователь Н. А. Иваницкий выводил название персонажа *яга* из коми *яг* 'лес, бор' (Иваницкий 23—49). А. С. Сидоров пытался связать происхождение образа яги с «анимизацией» древних чудских кладбищ (1924 : 53). О. А. Черепанова указывает, что Н. А. Иваницкий по совпадению звучания прототипом бабы-яги предлагал считать коми *Яг морт* 'лесной человек': данная попытка признается ею неудачной (Черепанова 1983 : 101). Осмысление русского наименования *яга* при семантическом совпадении (коми *ёма* также связано с представлениями о смерти, очевидно, на определенном этапе, лесной дух) вызвало раннюю ассимиляцию образа.

3. *шыш гётыр*, *васа тьётка*

Наименования лесной старухи *шыш гётыр*, *васа тьётка* (при совпадении образа с традиционным сказочным образом лесной старухи *ёма*) фигурируют в сборнике А. А. Цембера (1913 : 5—14). Наименование

шыш гӧтыр имеет значение 'жена нечистого, лешего' (рус. *шши* 'нечистый, черт' — Фасмер 1973 : 445; Даль 1956 : 636). Есть также производные коми слова: *шӧштак* 'леший, мороз', *шышкавны* 'скрываться в лесу'; известно *шыш* 'вор, бродяга' (ССКЗД 442). В русских говорах региона есть семантически соотносимая лексема *шошычиха* 'лешачиха', *шшики мезенские* 'фантастические существа, помогающие ведьмам' и т. д. (Черепанова 1983 : 49, 135). Рус. *шши* ассимилирован в коми несказочной прозе. Замена традиционного наименования *ёма* в сказке произошла на базе этой ассимиляции.

васа тьӧтка букв. 'водяная тетка' указывает на место обитания персонажа; оно возникло явно по аналогии с соответствующими названиями несказочной прозы (*васа* 'водяной', *ваууса* букв. 'подводный') и заменило традиционное наименование персонажа.

4. В коми сказке появляются слова-заместители традиционного наименования лесной старухи (сравнительно более позднего, усложненного образа): *волшебница*, *волшебнича*, *волшебнича-еретнича*, связанные с соответствующими заимствованиями (*волшебнича* < рус. *волшебница*; *еретнича* — производное от рус. *еретик*), и *тӧдысь* букв. 'знающая; колдунья'. В ряде случаев данные слова сопровождают основное наименование персонажа — *волшебница ёма-баба*, а затем используются в том же тексте самостоятельно. Коми *еретник* ~ *еретьник* повсеместно обозначало 'колдун, знахарь' (ССКЗД 119). В сказках и в традиции несказочной прозы (например, у южных коми) встречаются *волшебник* и *тӧдысь*, *еретьник*, а также *волшебство* и *ересьтво* (летское), причем они приравнены друг к другу по значению. Это хорошо видно и в примере *волшебнича-еретьнича*.

Итак, «воплощение зла», лесная старуха, имеет сложную семантику образа. В коми сказочном фольклорном материале нами выделяются пять основных типов этого персонажа.

1. Зооантропоморфный персонаж *вурд-баба*; функционально совпадает с архаическим персонажем глотом (Плосков 1982 : 98—108).

2. Традиционный персонаж коми волшебных сказок *ёма*, *ёма-баба*.

3. Сложный образ, который условно обозначается нами как *ёма-яга*, появившийся при контактах и определенной фольклорной общности коми и русских.

4. Образ, близкий к яге русских сказок (в более поздних фольклорных заимствованиях).

5. Лесная старуха-волшебница, злая колдунья, ворожея (более поздний собирательный образ «нечистой» лесной старухи, появившийся в результате взаимодействия сказки и несказочной прозы в период угасания сказочной традиции).

Сокращения

Иваницкий — рукопись Н. И. Иваницкого в Архиве Русского географического общества (оп. I, р. 7, № 50).

ЛИТЕРАТУРА

- Акцорин В. А. 1980, Историко-генетические связи финно-угорских племен по данным мифологии. — Вопросы марийского фольклора и искусства, вып. 2, Йошкар-Ола (ТМарНИИ, вып. 46).
- Ахметьянов Р. Г. 1981, Общая лексика духовной культуры народов среднего Поволжья, Москва.

- Белицер В. Н. 1958, Очерки по этнографии народов коми (XIX—нач. XX в.), Москва (Труды Института Этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. серия, т. 45).
- Ветошкина Е. В. 1982, Производственные и семейно-бытовые заговоры у коми. — Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, № 26).
- Грен А. Н. 1925, Зырянская мифология. — Коми му, № 1.
- Даль В. 1956, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, Москва.
- Микушев А. К. 1973, Жанровые особенности эпоса северных коми-зырян. — Специфика фольклорных жанров, Москва.
- 1979, Эпические песни и баллады. — История коми литературы, т. I. Фольклор, Сыктывкар.
- Плосков И. А. 1982, Персонаж глот в преданиях и сказках коми. — Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, № 26).
- Попов А. А. 1938, Проблемы истории народа коми в связи с его фольклором. Комментарии. — Фольклор народа коми, Архангельск.
- Попов К. А. 1874, Зыряне и Зырянский край, Москва (Известия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XIII, вып. 2).
- Сидоров А. С. 1924, Памятники древности в пределах Коми края. — Коми му, № 7—10.
- Фасмер М. 1973, Этимологический словарь русского языка, т. 4, Москва.
- Цембер А. А. 1913, Коми мойдан кывъяс, Устьысьольск.
- Черепанова О. А. 1983, Мифологическая лексика Русского Севера, Ленинград.

I. A. PLOSKOV (Syktyvkar)

BEZEICHNUNGEN UND TYPEN DES WALDWEIBES IN ZAUBERMÄRCHEN DER KOMI

Im Artikel wird mythologischer Wortschatz der Komi-Sprache untersucht, die Lehn-schicht in der analysierten Lexik aufgedeckt und die komplizierte Bedeutung dieser Märchengestalt erforscht. Die folkloristische Figur in den Märchen der Komi *эма* (vgl. osfi *jumala*) nahm im Prozeß der Entwicklung und äußerer kultureller Einflüsse die gegenwärtige komplizierte Semantik an. In fünf für den Beitrag ausgewählten Haupttypen der Märchen — angefangen mit der Figur *вурд-баба* (*вурд* 'Otter', *баба* 'Weib, Alte') bis hin zum Zauberweib (Menschenfresserin) offenbart sich die histo-rische Entwicklung dieser Gestalt.